

Любовь к Ванюше не иссякла

СЕГОДНЯ 70-ЛЕТНЕМУ
ВЗНУ КЛАЙБЕРНУ ВРУЧАЮТ
В КРЕМЛЕ ОРДЕН ДРУЖБЫ

НЕ ИССЯКЛА

ФОТО ИТАР-ТАСС

Даже если назвать его Харли Лэйвзном Клайберном, а не Ваном Клайберном, каждый догадается, о ком речь. О том самом долговязом смущенном пианисте с рыжей шевелюрой, который весной 1958 года перевернул наши представления о том, что американцы из другого теста и вообще других интересов и непонятной души. Но душа оказалась такой близкой!..

Знала ли еще исполнительская культура XX века случаи такой оглушительной славы?

Талантливый мальчишка из семьи служащего нефтяной компании и учительницы музыки, толстый и веснушчатый, к 12 годам вдруг вытянулся до 170 см, а рука запросто брала дуодециму. С 13 лет он побеждал на конкурсах, а в 17 его из маленького техасского города Килгора отправили в Нью-Йорк – в знаменитую Джульярдскую школу.

И как тут не заметить, что у американской фортепьянной школы долгие русские, даже московские корни! Ведь он оказался в классе Розины Левиной, ученицы Василия Ильича Сафонова, директора Московской консерватории, давшего направление всей музыкальной школе Москвы.

Оказавшись в начале прошлого века руководителем Нью-Йоркского филармонического оркестра, Сафонов привлек к сотрудничеству чету Иосифа и Розину Левиных, к тому времени уже покинувших Россию, чреватую революциями.

В 1951 году, когда Розина Левина взяла в свой класс Клайберна, ей было 70 – столько, сколько сейчас ему, – и она уже без малого 30 лет преподавала в Джульярде. Подготовив своего любимого ученика к Первому международному конкурсу им. Чайковского в Москве, она, наверное, не предполагала, что его победа обернется чуть ли не политическим скандалом. Ведь первую премию должен был получить непременно советский музыкант!

Однако тогда, почти 50 лет назад, в жюри сидели подлинные рыцари музыки. Можно ли было, например, почтенного профессора высочайшей европейской культуры Генриха Нейгауза или его уже тогда великого ученика Святослава Рихтера, заседавших в жюри, заставить проголосовать так, как решили партия и правительство?!

Окончание на 7-й странице

Любовь к Ванюше не иссякла

Окончание.
Начало на 1-й странице

Клайберна народ как только не окрестил: и Ванюшей, и ангелом, и дядей Степой. В воздухе носилась такая истерика обожания, которая дожила даже до наших дней.

С победой Клайберна у музыкантов, не лишенных тщеславия, появился пример непросчитанного, непредсказуемого организаторами успеха. А у конкурса имени Чайковского – перспектива самого честного, весомого музыкального состязания в мире, увы, сведенная на нет с уходом бескорыстных мастодонтов музыкальной педагогики и исполнительства.

Но Клайберн навек остался Клайберном. Настолько краси-

вой легендой, что еще больших чудес лично от него никто не ждет. Одаренность бывает разной. И даже самые горячие поклонники пианиста, которые несомненно завалили его цветами, понимают, что Клайберн оказался не Рихтером, до конца дней своих мудро, тяжело, глубоко, до износа сердца осваивавшего все новые артистические горизонты. И даже не Львом Власенко, превосходным, тонким, таким же мужественным пианистом, у которого, может быть, вся жизнь сложилась бы иначе, если бы первую премию на том конкурсе имени Чайковского – как рассчитывали – получил он!

Как бы там ни было – каждый приезд Клайберна в Москву все равно сенсация. Но и он,

может быть, удивлен, что его вдруг наградили «за большой вклад в укрепление дружбы и российско-американского сотрудничества в области культуры». Или, наоборот, тем, что наградили только теперь? Проснулись.

Пианист пробудет в Москве до 28 сентября. В субботу вечером он выбрал на сцене Большого зала консерватории рояль, ночью репетировал. Завтра, уже орденосный, он даст концерт здесь, в зале, подарившем ему мировую славу. В первом отделении прозвучат Каприччио и Интермеццо Брамса, Вторая Соната Шопена и самая прекрасная из его Баллад. Во втором – Первый концерт Чайковского.

«Все свободное время я по-

свящу встречам с друзьями, хочу побыть в России просто как обычный турист», – сказал Клайберн, только ступив на нашу землю. Поедет ли в Санкт-Петербург, куда очень зовут, пока неизвестно. Живет в «Национале». Общается, как и во все свои приезды, с семьей Микоянов – дружит с ними почти полвека. И им тоже запрещает называть себя Взном Клайберном – только Ваном, и только Клайберном, как по ошибке записали его в 1958-м. А нынешний свой концерт, считая, что «музыка всегда была источником утешения и покоя», посвятит памяти жертв последних терактов – «всем, кто пережил боль разбитого сердца».

Наталья ЗИМЯНИНА